

М. В. Лесняк M. V. Lesnyak

Ростов-на-Дону, Россия Rostov-on-Don, Russia

**РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ
«ВЕРОЯТНОСТНОЕ ОЦЕНИВАНИЕ»
В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ: НЕМЕЦКИЕ
КАНДИДАТЫ НА ВЫБОРЫ В ЕВРОПАРЛАМЕНТ
2014 ГОДА**

Аннотация. Рассматривается речевое поведение немецких кандидатов на выборы в Европарламент 2014 г., а именно речевая стратегия «вероятностное оценивание автором речевого события как реально-го/нереального». Кроме того, дается представление о специфике немецкой парламентской коммуникации. Исследование проводится методами скрытой прагмалингвистики — научного направления, которое интересуется спонтанный выбор говорящим речевых сигналов грамматических и текстуальных категорий. Используется методика модифицированного контент-анализа, единицей которого является малая синтаксическая группа. При анализе предлагается оперировать такими параметрами, как абсолютный речежанровый показатель и среднежанровая величина.

Ключевые слова: прагмалингвистика; речевое поведение; речевая стратегия; парламентский дискурс.

Сведения об авторе: Лесняк Марина Валерьевна, преподаватель кафедры романо-германской филологии, факультет филологии и журналистики.

Место работы: Южный федеральный университет.

Контактная информация: 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, к. 1.
e-mail: mvlesnyak@sfsedu.ru.

**SPEECH STRATEGY
“PROGNOSTIC EVALUATION”
IN PARLIAMENTARY DISCOURSE:
GERMAN CANDIDATES FOR THE EUROPEAN
PARLIAMENT ELECTIONS 2014**

Abstract. The article deals with the verbal behavior of the German candidates for the European Parliament elections 2014 in terms of the speech strategy of "author's prognostic evaluation of the speech event as real/unreal", and describes the specific features of the German parliamentary communication. The research is carried out with the help of latent pragmalinguistics methodology – a field which is focused on the spontaneous speaker's choice of the speech signals of grammatical and textual categories. The method of modified content analysis of small syntactic groups is used. It is suggested that such parameters as absolute speech genre index and average genre value be introduced into the undertaken analysis.

Key words: pragmalinguistics; verbal behavior; speech strategy; parliamentary discourse.

About the author: Lesnyak Marina Valerievna, Lecturer of the Chair of German and Romance Philology, Faculty of Philology and Journalism.

Place of employment: Southern Federal University.

150, k. 1.

Политическое устройство современного государства невообразимо без парламентаризма, который является основой соответствующего политического строя, регулирует расстановку сил и степень их влияния на конкретном политическом ландшафте. Сегодня парламент существует как в рамках отдельных государств, так и на межнациональном уровне, примером чему служит Европейский парламент Европейского союза. Соответственно именно парламентская коммуникация занимает на сегодняшний день значительное место в исследованиях политического дискурсивного поля и является одной из наиболее актуальных тем.

Данная статья призвана пополнить актуальный перечень подходов к изучению парламентского дискурса и обращается к одному из продуктивных для исследования европейской парламентской коммуникации методов [Алферов, Кустова 2014: 93] — прагмалингвистическому. Целью статьи является рассмотрение речевого поведения немецких политиков в ситуации предвыборной борьбы в Европарламент в 2014 г. с позиции скрытой прагмалингвистики. В соответствии с заявленной целью в начале статьи предпримем попытку описать специфику парламентской коммуникации в

Германии, далее проанализируем речевое поведение немецких кандидатов в Европарламент.

Немецкий национальный парламент отличается от парламентов других европейских стран по ряду признаков, что, по всей видимости, обусловлено перипетиями национальной истории, которая не могла не отразиться на парламентском развитии и, как следствие, на парламентской коммуникации. А. Буркхардт предлагает типологию немецкого парламента, включающую восемь типов парламентской организации в Германии. Критерием этой классификации является функция, которую выполнял тот или иной немецкий парламент в рамках соответствующего политического строя в определенный исторический период [Burkhardt 2003: 5—6]:

1. *Дискуссионный парламент* существовал в 1848—1849 г. (Франкфуртское национальное собрание, заседания которого проводились в франкфуртской церкви Святого Павла). В нем парламентские дебаты велись независимыми от партий депутатами до тех пор, пока большинство не приходило к общему решению.

2. *Парламент-алиби*. Образован в результате свободных выборов, но обладал ограниченными компетенциями, не оказывал никакого

вливания на правительство, мог быть созван, открыт и закрыт главой государства. Служил для обсуждения прежде всего правительственных решений (немецкий рейхстаг до 1918 г.).

3. *Рабочий парламент, или парламент борьбы* (Веймарское учредительное собрание, немецкий рейхстаг до 1933 г.), базировался на свободном и тайном голосовании. Но идеологические противоречия и большое расхождение во мнениях ограничивали возможности компромисса. На пленумах проходили агрессивные дебаты.

4. *Фиктивный парламент* (немецкий рейхстаг 1933—1945 гг.) — парламент, который не имел ничего общего с истинным парламентским устройством. Базировался на несвободных и открытых выборах. Созывался по приказу высшего руководства и служил в качестве форума для обсуждения экстенсивных решений правительства и распределения генеральных полномочий.

5. *Аккламационный парламент* (Народная палата ГДР в 1949—1989 гг.). В его основе также лежат фактически несвободные и нетайные выборы, в которых принимали участие различные группы населения. В нем подтверждались уже принятые государственной партией / правительством решения.

6. *Временный парламент* (Парламентский Совет, Народная палата ГДР с 13 ноября 1989 г. по 7 марта 1990 г.). Имеет парламентский характер, ориентирован на консенсус, служит для регулирования нового государственного строя.

7. *Партийный, или витринный парламент* (немецкий бундестаг). Основывается на свободных, равных и тайных выборах. На пленуме обосновываются политические решения для общественности. Действительно проводятся ритуалы принятия решения, например голосование. Тем не менее основная цель дебатов состоит не в обоюдном убеждении, поскольку фактически решения принимаются уже на заседаниях фракций и комитетов. Поэтому этот вид парламентской организации называют также «парламент фракций».

8. *Парламент, избираемый для проведения какого-либо политического мероприятия*. Парламент, который просуществовал полгода с целью законодательного регулирования объединения ГДР с ФРГ и самостоятельно распущился.

Из предложенной выше классификации видно, что соответствующий тип парламента задает определенные коммуникативные рамки и определяет специфику коммуникативных процессов, протекающих в нем.

Немецкий парламент сегодня представляет собой сцену, на которой политики играют заранее выученные роли и демонстрируют публике за пределами здания заседаний уже срежиссированные политические пьесы. То есть он выполняет функцию витринного пар-

ламента, на заседаниях которого большинству депутатов уже известны политические решения, озвучиваемые докладчиками. Не зря современные политические фракции называют «парламентами в парламенте» [Kessel 2003: 128]. Таким образом, истинным адресатом парламентской коммуникации являются не политические противники, а «слушатель за пределами зала заседаний» [Hoinle 1999: 36], т. е. политический электорат. Поэтому парламентская коммуникация (как, пожалуй, и политическая коммуникация вообще) большей частью является стратегически выстроенной, заранее спланированной, продуманной. Однако нельзя говорить о полном отсутствии спонтанности речевой деятельности. Так, дебаты на злободневную тему, представляющие собой реакцию на события, происходящие в мире политики, отличаются в большей или меньшей степени спонтанностью. Кроме того, речь политиков в рамках парламентской коммуникации (выступления, дебаты, дискуссии) является «лично-стно маркированной» [Сапрыкина 2007: 129] и всегда несет отпечаток «личностных качеств». Исследование такого «человеческого фактора» в речевой деятельности немецких политиков позволит осветить современный немецкий парламентский дискурс в модусном ракурсе [Алферов, Кустова 2014: 10].

Проанализируем немецкий парламентский дискурс на материале предвыборных выступлений кандидатов в Европейский парламент методами одного из актуальных направлений в современной прагмалингвистике — скрытой прагмалингвистике, основоположником которого является Г. Г. Матвеева [Матвеева, Самарина, Селиверстова 2009: 51]. Центральной категорией скрытой прагмалингвистике считается спонтанный выбор говорящим речевых сигналов грамматических и текстуальных категорий, которые всегда присутствуют в речи оратора, насаиваются на пропозициональную структуру высказывания и неизменно оказывают воздействие на слушающего.

Речевое воздействие на получателя сообщения можно охарактеризовать как двустороннее по критерию направленности, а именно: с одной стороны, говорящий заранее целенаправленно выбирает максимально эффективные, на его взгляд, языковые средства, создавая коммуникативную стратегию; с другой стороны, он автоматически, в силу привычки, обусловленной речевым опытом и характеризующей его речевую личность, делает выбор грамматических речевых сигналов, создавая речевую стратегию скрытого воздействия на аудиторию. По всей видимости, воздействующий эффект от предпринятых речевых действий как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровнях суммируется. Поэтому изучение речевых стратегий скрытого воздействия представляется особенно важным для интегративного прагмалингвистического анализа.

Речевая стратегия скрытого воздействия определяется как комплексное многоуровневое коммуникативное явление, реализующееся на акциональном уровне, т. е. уровне речевых действий, и на текстуальном уровне. В основе данной стратегии лежит привычный, машинальный, потому и не осознаваемый, выбор лингвистических единиц, грамматических и текстуальных категорий, воздействующий эффект от которого также не осознается реципиентом [Лесняк 2014: 62]. Речевая стратегия как вариация речевого поведения говорящего иллюстрирует скрытую интенцию его самовыражения в определенной коммуникативной ситуации [Матвеева 1998: 28].

Поскольку в политическом предвыборном дискурсе политики зачастую моделируют при помощи языковых средств картину «светлого будущего» в случае избрания на пост соответствующего кандидата и представляют ее как реальную, то прагмалингвистический анализ предвыборных выступлений немецких кандидатов в Европейский парламент целесообразно провести на примере стратегии скрытого воздействия «вероятностное оценивание автором речевого события как реального/нереального».

Стратегия скрытого воздействия «вероятностное оценивание автором речевого события как реального/нереального» (далее стратегия «вероятностное оценивание») предполагает оценку отправителем своего высказывания как соответствующего или не соответствующего действительности [Моисеенко 2000: 74]. При этом оценивание речевого события с позиции реальности/нереальности зависит от конкретных представлений говорящего, т. е. от его картины мира. Здесь речь идет о субъективной модальности. Под этим термином принято понимать определенный фокус зрения говорящего, согласно которому он презентует слушающему свое видение сообщаемого [Там же]. Сущностью субъективной модальности является оценивание описываемых фактов (согласие/несогласие, положительная/отрицательная оценка) [Приходько 2011: 262]. При этом субъективная модальность является не обязательным признаком высказывания, а проявляется в виде формально-грамматического значения. Существует мнение, что модальность в германских языках, в том числе в немецком, более грамматикализована, чем в других группах языков [Hansen 2004]. Поэтому сигналами речевых стратегий скрытого воздействия правомерно считаются грамматические категории и структуры, в которых лексемы приобретают новые нюансы смысла [Нужнова 2003: 87].

Основным средством выражения субъективной модальности в аспекте реальности/нереальности в скрытой прагмалингвистике считается категория наклонения глагола [Моисеенко 2000: 75]. Автоматически выбирая ту или

иную форму глагольного наклонения из ряда возможных грамматических вариантов, отправитель сообщения актуализирует определенные нюансы смысла и выражает свое отношение к событию как реализованному/реализуемому/нереализуемому.

Для исследуемой стратегии были выделены три речевых плана [Матвеева 1993: 174]: 1) план реализованного события; 2) план нереализованного события, который, в свою очередь, делится на субпланы: возможного/невозможного, обязательного/необязательного, допустимого/недопустимого, разрешенного/неразрешенного, желательного/нежелательного, объективного/субъективного события; 3) план нереализуемого события. Для каждого плана были выявлены соответствующие речевые маркеры [см. подр.: Лесняк 2014]. Более частая актуализация в речи говорящим того или иного плана-варианта вызывает неосознаваемый перлокутивный эффект у слушателя.

В соответствии с заявленной целью исследования был проведен анализ речевого поведения четырех немецких кандидатов, баллотировавшихся в Европарламент в 2014 г.: Дэвида Мак-Алистера — представителя правящей партии Германии (ХДС), Ребекки Хармс — депутата партии «Зеленые», Габи Циммер — кандидата от партии «Левые» и Маркуса Фербера — представителя партии ХСС.

Использовалась методика модифицированного контент-анализа. Ее суть заключается в количественном подсчете речевых маркеров каждого плана-варианта/субплана-варианта изучаемой речевой стратегии скрытого воздействия. Например, к маркерам плана реализованного события относятся глаголы в изъявительном наклонении настоящего и прошедшего времени, инфинитивные конструкции. При этом важно отсутствие модальных идентификаторов в предложении [Матвеева 1993: 174—176]. Единицей анализа выступает *малая синтаксическая группа* (в дальнейшем МСГ), под которой понимается минимальная актуализированная предикативно-модальная единица. На синтаксическом уровне это простое нераспространенное предложение или часть составного предложения. Производится подсчет малых синтаксических групп, в которых авторами текстов актуализированы маркеры плана реализованного события. Затем вычисляется процентная доля маркированных малых синтаксических групп в их общем количестве (абсолютный речежанровый показатель), а также среднеречежанровая величина актуализации авторами каждого субплана. Она может рассматриваться как некая норма плана или субплана для типичного автора в текстах конкретного жанра [Куклина 2005: 116].

Например, в текстах Д. Мак-Алистера всего было исследовано 168 малых синтаксических групп, в 124 из которых был актуализирован

план реализованного события. Соответственно процентный показатель оратора по данному параметру, абсолютный речевантовый показатель, составляет 73,8 %. Среднеречевантовая величина высчитывались путем сложения всех малых синтаксических групп с конкретным планом/субпланом всех авторов, последующего умножения на 100 и деления полученной величины на общее количество исследованных малых синтаксических групп. Так, например, план реализованного события был актуализирован Д. Мак-Алистером в 124 малых синтаксических группах, Р. Хармс — в 96, Г. Циммер — в 190, М. Фербером — в 166. Если сложить эти результаты, то общее количество малых синтаксических групп плана составит 576. Затем 576 необходимо умножить на 100 и разделить на 817. Таким образом, среднеречевантовая величина для плана реализованного события составит 70,5 %.

Полученные результаты представлены в таблице.

При интерпретации результатов диагностирующими актуализацию в речи личностных качеств являются те показатели речевых планов, которые превышают среднеречевантовую величину. Так, из таблицы следует, что план реализованного события чаще, чем их коллеги, актуализировали Д. Мак-Алистер (73,8 %) и Г. Циммер (73 %). Это свидетельствует о скрытой интенции данных ораторов описывать события как реальные, фокусировать внимание слушателей на реальных фактах, происходящих в настоящее время или прошедших. Такое речевое поведение является типичным для представителей правящих партий, которые обладают наибольшим политическим влиянием в стране. Показатели субплана нереализованного возможного события, превышающие

Таблица. Речевое поведение политиков по скрытой воздействующей стратегии «вероятностное оценивание»

Политические группы	Авторы	Планы								Кол-во МСГ
		План реализованного события, %		План нереализованного события, %				План нереализуемого события, %		
				Субплан возможного события		Субплан обязательного события				
МСГ	АРП	МСГ	АРП	МСГ	АРП	МСГ	АРП	МСГ	АРП	
Христианско-демократический союз Германии (ХДС)	Дэвид Мак-Алистер	124	73,8	23	13,7	18	10,7	4	2,4	168
«Зеленые»	Ребекка Хармс	96	69,5	19	13,7	20	14,4	3	2,1	138
«Левые»	Габи Циммер	190	73,0	45	17,3	10	3,8	14	5,4	259
Христианско-социальный союз (ХСС)	Маркус Фербер	166	65,8	49	19,4	34	13,5	4	1,6	252
Итого МСГ плана		576		136		82		25		
СРВ, %		70,5		16,6		10		3		
Всего		817								

Примечание. МСГ — малая синтаксическая группа, СРВ — среднеречевантовая величина, АРП — абсолютный речевантовый показатель.

среднеречевантовую величину (16,6 %), обнаружены у Г. Циммер (17,3 %) и М. Фербера (19,4 %). Частый выбор данного плана говорит о неосознаваемом намерении оратора представить будущую действительность как возможную. Иными словами, политик стремится сказать: если вы выберете меня, то у вас появятся определенные возможности. Тем самым говорящий предстает перед аудиторией человеком проницательным, предвидящим все потенциальные пути развития ситуации. Субплан нереализованного обязательного события чаще других актуализировали Р. Хармс (14,4 %) и М. Фербер (13,5 %). Показатель Д. Мак-Алистера (10,7 %) несущественно превышает среднеречевантовую величину (10 %) по данному плану, поэтому мы считаем возможным не относить его к диагностирующим. Более частая актуализация в речи данного плана свидетельствует о скрытой интенции политического деятеля смоделировать будущую дей-

ствительность как обязательную и неотвратимую. То есть на неосознаваемом уровне послание может звучать так: если вы отдадите свой голос за меня (мою партию), то в будущем события будут развиваться именно так, а не иначе. Это произойдет в любом случае. Оценка событий может быть как положительной, так и отрицательной. При этом оратор неосознанно позиционирует себя как уверенный, убежденный, сильный политик. Единственный показатель, превышающий среднеречевантовую величину (3 %) по плану нереализуемого события, принадлежит Г. Циммер (5,4 %). В политической сфере это может в упрощенном виде трактоваться следующим образом: если бы ситуация была иной, то все было бы иначе. Тем самым политик выставляет себя в невыгодном свете. В целом речевое поведение Г. Циммер характеризуется как нестабильное, поскольку показатели трех из четырех возможных планов-вариантов превы-

шают среднеречевые величины. Соответственно такое речевое поведение может быть воспринято аудиторией как характеристика ненадежного политика.

В результате выборов в Европарламент, которые состоялись в Германии 25 мая 2014 г., первое место занял альянс сил ХДС (29 голосов) и ХСС (5 голосов), четвертое место — партия «Зеленые» (11 голосов), а пятое — партия «Левые» (7 голосов) [Выборы в Европейский парламент].

Таким образом, можно отметить некую корреляцию между речевым поведением кандидатов и результатами выборов. Выступления немецких кандидатов в Европарламент отражают не столько политические интересы конкретных политиков, сколько интересы целой политической группы. Поэтому выбор соответствующего кандидата или партии отражает согласие или несогласие электората с расстановкой политических сил и распределением политического влияния в стране. Как мы видим, речевое поведение Д. Мак-Алистера, представителя правящей партии, характеризующее его как рассудительного политика, реально смотрящего на вещи, соответствует ожиданиям избирателей в данный исторический период в данных условиях. Речевое поведение кандидата от партии «Зеленых» Р. Хармс в плане стратегии вероятностного оценивания обнаружило такие личностные характеристики политика, как уверенность, убежденность, решительность, что оказало соответствующий воздействующий эффект на избирателей. Нестабильное речевое поведение Г. Циммер, депутата партии «Левые», коррелирует с последним местом на выборах среди рассматриваемых политических деятелей.

Проведенный прагмалингвистический анализ речевого поведения немецких кандидатов в Европарламент в 2014 г. методами скрытой прагмалингвистики ни в коем случае не постулирует прямой взаимосвязи между речевым поведением коммуникантов и результатами выборов. Однако речевое влияние на неосознаваемом уровне, по нашему мнению, усиливает осознанно планируемое вербальное воздействие, суммируется с ним и вызывает мощный перлокутивный эффект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Европейский парламентский дискурс: стратегия исследования // Вестн. ПГЛУ. 2014а. № 1. С. 91—94.
2. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Пропозиция и модальность парламентской коммуникации: французская национальная ассамблея в лицах / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова // Личность, речь и юридическая прак-

тика : сб. науч. тр. Междунар. науч.-метод. конф. — Ростов н/Д : ДЮИ, 2014б. Вып. 17. С. 10—14.

3. *Выборы* в Европейский парламент 2014. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Европейский_парламент_\(2014\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Европейский_парламент_(2014)) (дата обращения: 10.09.2014).

4. Куклина Т. В. Психологические и прагмалингвистические аспекты речевого поведения авторов (на материале текстов рецензий и политических выступлений) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Куклина Татьяна Владимировна. — Ростов н/Д, 2005.

5. Лесняк М. В. Речевая стратегия как инструмент моделирования возможной действительности в политическом дискурсе (с позиции скрытой прагмалингвистики) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 3 (332). Вып. 87. С. 61—67.

6. Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Матвеева Галина Григорьевна. — СПб., 1993.

7. Матвеева Г. Г. Нюансы смысла в скрытой прагмалингвистике // Филологический вестн. РГУ. 1998. № 2. С. 28—32.

8. Матвеева Г. Г., Самарина И. В., Селиверстова Л. Н. Два направления в современной прагмалингвистике // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 1, ч. 2. С. 50—57.

9. Моисеенко Л. А. Речевое поведение авторов военных мемуаров и диагностирование их индивидуальных свойств : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Моисеенко Лариса Александровна. — Ростов н/Д, 2000.

10. Нужнова Е. Е. Прагмалингвистический аспект речевого поведения специалистов в области компьютерной техники : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Нужнова Елена Евгеньевна. Ростов н/Д, 2003.

11. Приходько А. И. Статус оценочной модальности в языке // Уч. зап. Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2011. № 3, т. 24 (63). С. 260—264.

12. Сапрыкина Е. В. Структура речевого действия «обвинение» в рамках парламентского дискурса // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2007. № 15 (93). С. 128—132. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/093/124.pdf> (дата обращения: 28.06.2010).

13. Burkhardt A. Parlament und seine Sprache: Studien zur Theorie und Geschichte parlamentarischer Kommunikation. — Niemeyer : Tübingen, 2003.

14. Hansen B. Modals and the boundaries of grammaticalization: the case of Russian, Polish and Serbo-Croatian // What makes Grammaticalization? / W. Bisang, N. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). — Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. S. 245—270.

15. Hoinle M. Metaphern in der politischen Kommunikation: eine Untersuchung der Weltbilder und Bilderwelten von CDU und SPD. — Konstanz : Hartung-Gorre Univ. Diss., 1999.

16. Kessel W. Deutscher Bundestag. Im Reichstagsgebäude. — Berlin : Deutscher Bundestag, 2003.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.